

Томас Далтон

«СЧАСТЛИВЫЙ РЕБЕНОК»

Рецензия на книгу Томаса Бюргентала

Оригинал: Thomas Dalton. A Lucky Child. A Review. (A Lucky Child, by Thomas Buerghenthal, Profile Books, London; 2009, 231pp.)

Источник: <https://www.inconvenienthistory.com/1/3/3108>

Перевод с английского, 2020 г. На русском языке публикуется впервые!

Печальная история «свидетелей Холокоста» хорошо известна ревизионистам. Это сказка о сомнительных лицах, выдвигающих возмутительные утверждения о казнях газом и массовых убийствах, часто основанные на байках и слухах, часто противоречащие друг другу и часто конфликтующие с другими свидетельствами, с вещественными доказательствами и даже с законами физики. Это серьезная проблема для любого, кто ищет правду о Холокосте.

Освенцим имеет особое значение для этого повествования, учитывая его центральное место в Холокосте и большое число выживших. Есть ряд записанных показаний свидетелей и мемуаров, но, к сожалению, практически все они содержат серьезные недостатки. Проблемы с рассказами таких свидетелей, как Визель, Врба, Ньисли, Франкл, Таубер, Мюллер и других, хорошо задокументированы – я бы посоветовал читателю «Лекции по Холокосту» Гермара Рудольфа (Lectures on the Holocaust), книгу «Бункеры Освенцима» Маттоньо (Bunkers of Auschwitz) или мою собственную книгу «Дебаты о Холокосте» (Debating the Holocaust).

Чтобы взять один менее известный пример таких проблемных свидетелей, рассмотрим случай Янины Цывинской. Как сообщалось в «LA Times» (2 мая 1992 года), она была «16-летней полькой-католичкой», которую привезли в Освенцим вместе с родителями и братом. (Их отправили в лагерь за помощь евреям.) «Она вспоминала, как ее загнали в газовую камеру обнаженной вместе с отцом». Юная Янина чудом выжила: «ее спасла одна еврейка, которая сделала ей искусственное дыхание рот в рот». Видимо, эта история была не совсем правильна, потому что та же газета 11 лет спустя сообщила другую версию. В этот раз Янина уже в возрасте десяти лет оказалась в Освенциме, где в камерах погибли ее родители и брат. Её тоже отправили туда, «но из-за того, что она была крепче, чем большинство детей, Цывинская от газа только потеряла сознание. Некий немец оживил её и отправил работать». (17 августа 2003). Затем в 2005 году история снова изменилась. Газета «Quad-City Times» сообщила, что «она выжила в газовой камере, когда на нее упали взрослые тела,

защитив ее от вдыхания смертельного количества отравляющего газа. Когда ее, стонущую, нашли евреи, занимавшиеся в лагере подневольным трудом, ... её реанимировали, дали униформу и сказали смешаться с остальными» (11 апреля). У меня нет места для решения многочисленных проблем, связанных с этими рассказами; Достаточно сказать, что здесь имела место какая-то уж очень сильная поэтическая вольность, если не вопиющая фальсификация.

Итак, сейчас нам повезло, что у нас есть неоспоримый свидетель в лице доктора Томаса Бюргенталья. Здесь у нас есть авторитетный и заслуживающий доверия человек, который «посвятил свою жизнь международному праву и правовой защите прав человека», говорится на обложке его книги. Бюргенталь имеет диплом юриста, полученный им в Гарвардском университете, до 6 сентября 2010 года он занимал пост американского судьи в Международном суде ООН. Ясно, что это человек, преданный правде, честности и открытости – и поэтому мы вправе считать, что его рассказ об Освенциме должен быть на очень высоком уровне. Правда, на тот момент он был 10-летним еврейским мальчиком (1944). Но несмотря на это, эта книга – работа зрелого и умного взрослого, и поэтому мы можем ожидать честный и откровенный рассказ о происшедшем в этом самом печально известном лагере.

Томас Бюргенталь

Первый вопрос: Почему он так долго ждал? В предисловии Бюргенталь объясняет, что он хочет «рассказать [свою] историю более широкой аудитории, [потому что] Холокост не может быть полностью понят, если мы не посмотрим на него глазами тех, кто его пережил». Хорошо, но зачем ждать 65 лет? Бюргенталь публиковал книги с конца 1960-х годов; зачем так долго ждать такой важной истории? Прошедшие со времен тех событий годы могли лишь затуманить его память – и к его чести он и сам в этом признаётся:

*«Эти воспоминания, я уверен, окрашены теми трюками, которые устраивают с памятью течение времени и старость: забытые или неточные имена людей; перепутавшиеся факты и даты...; и ссылки на события, **которые произошли не совсем так, как я их описываю или которым, как я верю, я был свидетелем, но, возможно, я только слышал о них.** ... Кроме того, мне было трудно, если не невозможно... четко различать некоторые события, которым я, как я помню, на самом деле был свидетелем, и те, о которых мне рассказывали мои родители, или я услышал, как они их обсуждали. Все, что я могу сказать, это то, что, когда я писал о них, я, кажется, вспоминал их ясно, как мой собственный опыт». (стр. 15; выделено мною)*

Вот так оговорка! Но теперь автор хорошо застрахован от любых расхождений, которые могут появиться в книге.

Большая часть книги Бюргенталь автобиографичная, и лишь несколько глав касаются непосредственно Холокоста. До его пребывания в Освенциме-Биркенау достаточно интересен в некоторых местах его рассказ о гетто Кельце. Два раза (стр. 49 и 56) автор говорит о «ликвидации» гетто. Читатели, вероятно, хорошо осведомлены, что это слово означает «уничтожение» или «массовое убийство». Возможно, самое печально известное упоминание этого слова было в дневнике Геббельса от 27 марта 1942 года, в котором он написал, что «60 процентов евреев в Генерал-губернаторстве должны быть ликвидированы». Рудольф и другие ревизионисты ответили, что «ликвидация» означает просто «устранение, искоренение или удаление», а не массовое убийство. Бюргенталь очевидно согласен с этим. Он пишет: «Гетто ликвидировалось, или, говоря словами, вырывавшимися из громкоговорителей, «Aussiedlung! Aussiedlung!» («Выселение! Выселение», т.е. «Эвакуация! Эвакуация!»). И несколько позже: «После ликвидации трудового лагеря нас разделили на две группы». ... Очевидно, не убийство.

Глава 4 посвящена Освенциму. Здесь он рассказывает о своем пребывании в Биркенау, месте, где погибли «миллионы людей» (стр. 64). Предполагая, что это означает по крайней мере два миллиона, Бюргенталь значительно завышает даже нынешние традиционалистские оценки по этому вопросу, согласно которым общее количество смертей в лагере составляет от 1,1 до 1,25 миллиона человек (из которых 90% были евреями). Или, возможно, это было бессознательное воспоминание о временах до 1990 года, когда считалось, что в Освенциме якобы погибли «четыре миллиона человек».

Бюргенталь прибыл в Освенцим в начале августа 1944 года, что было бы (согласно стандартным взглядам) сразу после массового уничтожения газом венгерских евреев: свыше 400 000 человек были убиты газом в течение всего двух месяцев – поразительное количество – по 50 000 человек в неделю, или более 7000 в день. Но он вообще не дает никаких указаний на то, что такое чудовищное событие только что произошло.

После прибытия он пересказывает общеизвестную сюжетную линию, что при «отборе» «детей, стариков и инвалидов... забирали прямо в газовые камеры». Так как ему повезло, «наша группа оказалась избавлена от процесса отбора. Офицеры СС, наверное, предположили, что поскольку наш транспорт приехал из трудового лагеря [Хенрыков], то дети и другие неспособные работать люди уже ликвидированы» (стр. 65) – но зачем что-либо предполагать? Разве эсэсовцы не смогли бы распознать ребенка, просто увидев его? Разве не каждого блуждающего ребенка, как только его замечали, уводили для немедленного уничтожения в газовой камере? Видимо, нет. Юный Томас и его отец были затем разлучены с его матерью, но он воссоединится с ней в конце 1946 года. Через несколько месяцев отца увезли («отправили на транспорте»), так что он его больше никогда не видел. Так что, очевидно, все трое Бюргенталей выжили в этом самом печально известном «лагере смерти».

Далее он описывает стандартную процедуру уничтожения вшей: «Нас заставили идти к большому зданию. Здесь нам приказали снять одежду и быстро пройти через несколько душей и дезинфицирующий бассейн для ног. По пути нам состригли волосы». ... (стр. 66). Затем мальчик получил татуировку на руку ("B-2930"). Нельзя не удивляться, почему нацисты побеспокоились бы о том, чтобы провести дезинфекцию и татуировать 10-летнего мальчика, если бы они не пытались предотвратить вспышку тифа, защитить жизнь заключенных и отследить их перемещения на Восток. Но это как раз ревизионистский тезис.

Маленького Томаса сначала разместили в «цыганском лагере», который недавно был освобожден от людей: «все они – мужчины, женщины и дети – были убиты незадолго до нашего прибытия». (Он знал о цыганах, но ничего не знал о тех 400 тысячах венгров?) Какие у него были доказательства считать так, он не говорит. Затем он описывает один ночной инцидент в местном лазарете, когда эсэсовцы собрали больных пациентов. «Конечно, пациенты знали, что их ведут в газовые камеры, и мы знали, что СС сокращает население лазарета, чтобы освободить место для новых пациентов. Они делали это каждые несколько недель». – действительно странная ситуация.

Ещё один интересный инцидент случился однажды, когда ему, мальчику на побегушках у Капо (надзирателя, старосты или другого представителя лагерной администрации из числа самих заключенных), заведовавшего баней, приказали забрать какой-то «газ»:

«[Меня отправили] в один из крематориев... Мы должны были забрать газ, который был нужен моему начальнику бани для дезинфекции одежды.... Когда мы туда пришли, нас встретили заключенные, работавшие в крематориях. Их задачей было вытаскивать тела из газовых камер и сжигать их в крематориях. Все они были сильными молодыми людьми, которые шутили с нами, наверное, потому, что чувствовали, что мы боялись быть так близко к газовым камерам.

Они дали нам несколько контейнеров с газом, чтобы мы отнесли их назад в баню. Сопровождавший меня человек думал, что нам дали тот же газ Циклон, который использовали для убийства людей в газовых камерах. Я не знаю, правда ли это, хотя это имело определенный смысл, учитывая, что мы получили его из крематория». (стр. 75-76)

Определенный смысл, но не большой. Опять же, остается задуматься над тем, какие условия могли быть в лагере, чтобы еврейский ребенок мог просто пройти к крематорию и забрать там какие-то банки смертельно опасного Циклона у шутящих молодых людей (евреев? немцев?), которые якобы занимались процессом убийства тысяч человек в час.

Следующее замечание Бюргенталья подтверждает ревизионистскую позицию, а именно тот факт, что из крематория, когда тот работал, выходил дым. «Воздух в Освенциме всегда плохо пахнул из-за дыма, который выходил из дымоходов крематория». Это важно, как мы знаем, потому что действующие, выпускающие дым дымоходы были бы запечатлены на аэрофотоснимках – но только на одной снятой с воздуха фотографии (20 августа 1944 года) показан один дымящий дымоход. Отсутствие дымящихся труб почти на дюжине аэрофотоснимков говорит об очень малом использовании этих кремационных печей. Возможно, воздух действительно «всегда» пахнул плохо, но доказательства говорят о том, что это происходило не из-за дыма крематория. Безусловно, фотографии показывают слишком мало дыма, чтобы подтвердить предполагаемые массовые кремации.

Он, кстати, также говорит о тех печально известных «горящих дымоходах» Эли Визеля: «Всякий раз, когда крематории эксплуатировались ночью, небо над ними приобретало красновато-коричневый цвет» (стр. 76). Возможно, какой-то светящийся раскаленный пепел отражался от дыма, вызывая какое-то небольшое освещение – ситуация, которую Визель описывает так: «Мы видели, что пламя вырывалось из высокой дымовой трубы в черное небо». Так что, возможно, за преувеличениями Визеля было немного правды.

После того, как Бюргенталь временно избежал ещё трёх «селекций», его вместе с 30 или 40 другими людьми, наконец, собрали для отправки в газовую камеру. «Я признался самому себе, что выхода нет, и что я умру через несколько часов». Вскоре прибыл грузовик СС. «Сначала грузовик двигался в общем направлении крематориев, но затем он слегка свернул и въехал в соседний *Krankenlager*, или лагерь для больных, госпитальный лагерь». ... (стр. 79). Почему их не убили газом? «СС, по всей видимости, пришли к выводу, что привести нашу небольшую группу в газовые камеры было бы излишней тратой ресурсов», но вместо этого их удерживали «до тех пор, пока они не собрали большую группу». Время прошло; «большая группа» так и не материализовалась. «Мне стала нравиться моя жизнь в госпитальном лагере. Может быть, СС

забыли о нас, думал я». Единственным минусом жизни в госпитале были пробуждения поздно ночью от «криков и мольбы, когда людей загоняли в [близлежащие] газовые камеры».

Со временем его переселили в «детский барак в лагере D» (так, очевидно, не совсем верно было то, что «детей... забирали прямо в газовые камеры»). Бюргенталь объясняет, что дети пригодились для сбора мусора. Однажды, когда он собирал мусор, он нашел свою мать в женском лагере. Вскоре после этого он «услышал, что большое количество женщин, включая [его] мать, были отправлены в другой лагерь в Германии» (стр. 84). Странно, что в предполагаемом лагере уничтожения большое количество евреев отправляли в другое место. И обратно в Германию, не в какое-то другое место!

Его история в Освенциме завершается в «конце декабря 1944 или начале января 1945 года», с маршем смерти в ходе эвакуации. (Последняя эвакуация произошла 17 января.)

Итак, какие выводы мы можем сделать из рассказа доктора Бюргенталья? Думаю, что он был, по сути, достаточно надежным свидетелем – если говорить о тех событиях, которые он видел на самом деле. С тем, что он, как утверждает, действительно видел, ревизионисты очень мало могли бы поспорить: много детей в лагере, перемещение между бараками, спокойное пребывание в лагерьном госпитале, периодические отправки евреев из лагеря, дезинфекционная процедура для уничтожения вшей, общее использование Циклона для дезинфекции, дымящиеся дымоходы. Только его выводы весьма сомнительны – в особенности, предположение о том, что людей регулярно убивали газом. Не сомневаюсь, что об этом действительно говорили в лагере, и он только пересказывает эти слухи. Это правда, что он слышал эти слухи; а вот *правдивость самих этих слухов* – совсем другое дело.

Высокая репутация Бюргенталья и его честный, без преувеличений рассказ о происходивших событиях делают эту книгу заслуживающей прочтения. Он дает читателям необычное представление о повседневной жизни в Биркенау, и рисует картину, которая во многом расходится с традиционалистской версией истории. Таким образом, в итоге Бюргенталь представляется лучшим «свидетелем» ревизионизма, чем традиционализма. Будем надеяться, что это не доставит ему проблем с его собратьями по юстиции.

Библиотека Велесова Слобода, 2020 г.